УДК 94 (571.54)
doi: 10.18101/2305-753X-2018-2-48-53

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В БУРЯТ-МОНГОЛИИ (1920–1930-Е ГГ.)

© Жукова Наталья Евгеньевна
кандидат исторических наук, ведущий специалист
Научной библиотеки,
Бурятский государственный университет
E-mail: nataliiiuk@mail.ru

Представленная статья посвящена одному из самых неоднозначных периодов в истории становления советской государственности — борьбе с религиозными институтами и насаждением атеистической, коммунистической идеологии. В вводной части статьи автором определена научная проблематика, территориальные и хронологические рамки исследования. Автором предпринята попытка реконструкции феномена антирелигиозной пропаганды и агитации в открытой печати на примере республиканской газеты Бурят-Монгольская правда. Обращение к периодической печати позволило зафиксировать позицию населения по вопросам антирелигиозной борьбы, установить и передать общий эмоциональный фон, на котором происходили рассматриваемые процессы.

В Бурят-Монгольской правде получили освещение такие формы антирелигиозной борьбы рубежа 1920–1930-х гг. как снятие колоколов с православных храмов, требование трудящихся о запрете религиозных праздников, диспуты с буддийскими священниками по вопросам богословия. Проявлением антирелигиозной пропаганды стала дискредитация образа священнослужителей, предание публичности их поведения, выходящего за рамки предписанные саном. Для такого рода заметок характерны подбор уничижительной лексики для описания события, так и нарочитая насмешка над неподобающим поведением священнослужителя.

В заключении автором сделан вывод о том, что освещение радикального этапа борьбы с религией на страницах газеты Бурят-Монгольская правда было односторонним и тенденциозным. Дискредитация религиозных практик, обрядов, образа священнослужителей создавала необходимый идеологический фон, обостряла атмосферу антирелигиозной борьбы.

***Ключевые слова*:** религии в Республике Бурятия, государственная власть, антирелигиозная борьба, православное и буддийское духовенство, союз безбожников, безбожники в Бурятии, газета Бурят-Монгольская правда.

В первой четверти XX века в молодом советском обществе происходили процессы социокультурной трансформации, связанные с изменением поведенческих норм, бытовых практик, уклада повседневной жизни. Пожалуй, одной из важнейших характеристик протекавшей модернизации, стала борьба государства с религией, с ее, несомненно, большим и глубинным влиянием на жизнь большинства населения страны.

Придя к власти, большевики сразу обозначили свое отношение к религиозным институтам, выбрав направление борьбы с ними. Так уже зимой 1917–1918 гг. правительством были приняты декреты, ограничивающие права церкви, среди которых фундаментальным является «Декрет об отделении церкви от государст-

ва и школы от церкви». Согласно принятому документу церковь была лишена права собственности, не могла иметь юридическое лицо, вести акты гражданского состояния и т. д. Но в начальный период антирелигиозной борьбы государство еще брало на себя обязательства по обеспечению проведения религиозных обрядов «поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики» [1].

Определив направление антирелигиозной борьбы, советское государство выстраивало внутреннюю политику в соответствии с ним на протяжении всего периода своего существования. Подавление религиозных институтов особенно активно происходило в 1920–1930-е гг. на всех территориях страны. Борьба с религией происходила и в регионах, население которых относилась к разным религиозным конфессиям.

Образованная в 1923 г. Бурят-Монгольская АССР относилась к регионам, обладающим подобным конфессиональным разнообразием [7, с. 65]. По этой причине на начальном этапе в республике применялись более мягкие формы антирелигиозной борьбы. На первой конференции Бурят-Монгольского обкома РКП(б) в марте 1924 г. в докладе секретаря обкома В. И. Трубачеева «О партийном строительстве» была поставлена задача проведения антирелигиозной пропаганды, которая, в частности, «должна полностью раскрывать классовый и эксплуататорский характер всякой религии» [3, с. 103]. Для ведения антирелигиозной агитации и пропаганды б в 1923 г. был создан агитационно-пропагандистский отдел Буробкома РКП(б) и комиссия по религиозным вопросам, образованная в 1925 г.

В задачи представленной работы не входит анализ сложностей и противоречий отношений государства и церкви в 1920-х гг. в республике. Ограничимся лишь замечанием о том, что этот период ряд исследователей называют «религиозным нэпом». Следующий период государственно-конфессиональных отношений наступил в конце десятилетия и характеризовался ужесточением борьбы с религией.

Антирелигиозная деятельность государства и части общества нашла свое отражение в периодической печати, что позволяет нам отчасти реконструировать реакцию населения на происходившие перемены. В этой связи именно анализ заметок периодической печати и стал предметом настоящей работы. Обращение к периодической печати позволило зафиксировать позицию населения по вопросам антирелигиозной борьбы, установить и передать общий эмоциональный фон, на котором происходили рассматриваемые процессы. Однако при работе с периодической печатью присутствовало понимание того, что периодическая печать, во-первых, излишне злободневна и не всегда аналитична, во-вторых, выражала официальную позицию партийного руководства, что, чаще всего, приводило к известной необъективности.

Как известно, в конце 1920-х гг. в республике активизировалась кампания по закрытию православных церквей и буддийских монастырей, что коренным образом изменило положение религиозных институтов в регионе. К концу десятилетия усилиями антирелигиозной пропаганды было сформировано представление о косности религии, о ее классовой чуждости простому народу, излишней материальной обеспеченности учреждений культа.

С этой точки зрения становятся объяснимыми решения коллективов трудящихся о закрытии церквей и дацанов. Так, согласно сообщениям газеты, Бурят-Монгольская правда, на целом ряде собраний трудовых коллективов рабочих и служащих было вынесено решение о снятии колоколов с церквей и передачи их на дело индустриализации страны. В решениях утверждалось, что «давно пора снять колокола, отлитые на те гроши, которые выколачивались годами из крестьян-же и рабочих» [4, с. 6]. В приведенном фрагменте очевиден классовый подход к решению вопроса о закрытии церквей, что выглядит как попытка своеобразного «возвращения» отторгнутых материальных ценностей. Собрания коллективов организовывали сбор подписей под требованиями о закрытии зданий культа и передачи освобождающихся помещений под школы и клубы. Так трудящееся с. Кабанск, заявляя «Долой религиозный дурман!», постановили здание синагоги передать под школу [там же].

В исследуемый период активно проводились так называемые «диспуты» по различным религиозным вопросам, между представителями конфессий и пропагандистов антирелигиозного мировоззрения. 23 февраля 1929 г. состоялся диспут Агвана Доржиева с членами союза безбожников, в ходе которого была предпринята попытка раскрыть «классовую» сущность буддизма. Свою задачу последние видели в том, чтобы «доказать не только не совместимость буддизма (будь он самый — чистый и самый «очищенный») с коммунизмом, но и весь вред буддизма» [5, с. 2]. Освещение диспута в республиканской прессе дало возможность представителям общественной организации донести свои идеи до широкой аудитории, мобилизовать население на борьбу с религией.

Рассматриваемые диспуты нередко носили конфронтационный характер, что говорит о важности и болезненности религиозного вопроса. Так, по итогам диспута «Буддизм и коммунизм», который состоялся 18–19 марта 1928 г. Агван Доржиев в одном из писем на имя П. Г. Смидовича отмечал присутствовавшее на диспуте оскорбление чувств верующих [2, с. 115].

Освещаемыми в прессе событиями также становились съезды массового добровольного общества Союза безбожников, в статье о котором читателей также пытались привлечь к антирелигиозной деятельности, мотивируя ее необходимость обострением классовой борьбы. Однако, благодаря подобным заметкам, можно проследить и ряд существенных характеристик времени, например, наблюдающийся рост «активности религиозных течений и групп различных мастей» [9, с. 4].

Интересны для общей картины социокультурных изменений и заметки с просьбами коллективов рабочих и служащих об отмене религиозных праздников. Например, на собрании рабочих водников 12 апреля 1929 г. обсуждался вопрос о формах празднования Пасхи. Одни рабочие предлагали отработать один из трех пасхальных дней, а заработок пожертвовать на культурные нужды. Другие предлагали не праздновать Пасху совсем. Третьи предлагали перенести ее на другие дни.

В итоге прений коллективом были приняты следующие решения:

1. Пасху совершенно не праздновать и не переносить не на какие другие дни, вычеркнув из календаря и работать обычным порядком;

2. Просить соответствующие высшие органы вместо религиозных праздников пасхи и рождества ввести празднование с освобождением от работ трудящихся в дни 8 марта (день работниц), 23 февраля (день Красной Армии) и другие революционные праздники;

3. Электроэнергию в дни пасхи церквам и молитвенным домам не отпускать и др. [8, с. 3].

Приведенное решение собрания коллектива рабочих-водников было достаточно жестким и могло свидетельствовать о двух вещах. Во-первых, об постепенном проникновении атеистических идей среди широких масс населения и некоторых изменениях в его мировоззренческих установках. Кроме того, публикация подобного рода решений, не противоречащих антирелигиозной политике власти, могло свидетельствовать о цензуре в региональных периодических изданиях.

Нередко на полосах газеты Бурят-Монгольская правда встречались решения трудовых коллективов о снятии колоколов с церквей и их передачи для нужд индустриального строительства. Очевидно, что таким образом транслировалась идея о формировании личности индустриального типа, в противовес человеку с традиционным религиозным мировоззрением.

Одним из вариантов антирелигиозной пропаганды стала дискредитация образа служителя культа на страницах региональной прессы. Так в одной из газетных заметок, с говорящим саркастическим названием «Уставщики-звери», была освящена драка семейских уставщиков села Новый Заган Мухоршибирского района. Драка, причина которой осталась не ясна, произошла между выпившими уставщиками и знахарем. На «слух о скандале в благородном доме» сбежалась вся деревня, жители которой желали «полюбоваться кулачным боем «священных» людей» [10, с. 4].

Снижали доверие к религиозным институтам и едкие газетные фельетоны, в которых были освящены самые пагубные привычки священнослужителей. Так, например, героем одного из подобных фельетонов стал протодьякон Колпиков, командированный архиепископом читинского кафедрального собора владыкой Александром для сбора пожертвований на содержание храма. Собрав некоторую сумму, Колпиков, взяв из нее пятьдесят с лишним рублей, «забыв про владыку архиепископа Александра, про храм божий и про все на свете — гульнул. Да так — гульнул, что опомнился только в кутузке для пьяных в гормилиции с трудом приволоченный туда милиционером» [6, с. 4].

Приведённый фрагмент демонстрирует, как подбор уничижительной лексики для описания события, так и нарочитую насмешку над неподобающим поведением протодьякона. Автор статьи подписался «Безбожником», что облегчало задачу «облечения» косности религии в целом и служителей культа в частности, создавало некую морально-этическую дистанцию между служителями культа и строителями нового атеистического общества.

Таким образом, в республике Бурятия на рубеже 1920–1930-х гг. наблюдалось усиление борьбы государства с религиозными институтами. Освещение антирелигиозной деятельности государства и определенной части общества осуществлялось, в том числе и в периодической печати. Республиканская газета Бурят-Монгольская правда рубежа 1920–1930-х гг. являясь инструментом государст-

венной пропаганды и агитации, стала одним из средств формирования антирелигиозного мировоззрения. Борьба с религиозными институтами и религиозностью абсолютного большинства населения представляла собой стержневой элемент процесса рождения нового атеистического общества, которое стало одной из основ тоталитарного режима государственной власти. Освещение радикального этапа борьбы с религией на страницах газеты Бурят-Монгольская правда было односторонним и тенденциозным. В тоже время анализ публикуемых заметок позволил зафиксировать изменения настроений населения, одобрение или неодобрение закрытия церквей, буддийских храмов, поведения служителей культа и др. Дискредитация религиозных практик, обрядов, образа священнослужителей создавала необходимый идеологический фон, обостряла атмосферу антирелигиозной борьбы.

Литература

1. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/ (Дата обращения: 29.04.18).
2. Дроботушенко Е. В. Антирелигиозная деятельность власти в Забайкалье в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. / Е. В. Дроботушенко // Гуманитарный вектор. – Чита, 2012. – № 2 (30). – С. 115.
3. Жукова Н. Е., Палхаева Е. Н. Общественные организации Бурятии в 1920-е гг.: опыт исторического развития / Н. Е. Жукова, Е. Н. Палхаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. – С. 103.
4. Единогласно голосуем закрыть церкви, синагоги и снять колокола // Бурят-Монгольская правда. – № 14 от 17 января 1930 г. – с. 6.
5. О диспуте с Агван Доржиевым // Бурят-Монгольская правда. – № 36 от 13 февраля 1929 г. – С. 2.
6. Отец протодьякон // Бурят-Монгольская правда. – № 299 от 28 декабря 1929 г. – С. 4.
7. Палхаева Е. Н. Трансформация государственности бурят в XX – XXI вв. / Е. Н. Палхаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 321 с.
8. Пасху праздновать не следует // Бурят-Монгольская правда. – № 90 от 20 апреля 1929 г. – С. 3.
9. Первый республиканский съезд безбожников // Бурят-Монгольская правда. – № 46 от 26 февраля 1929 г. – С. 4.
10. Уставщики-звери // Бурят-Монгольская правда. – № 66 от 22 марта 1928 г. – С. 4.
11. Фартусов Д. Б. Политический террор в Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг. в отношении старообрядческого духовенства / Д. Б. Фартусов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2017. – Том 19. – С. 112–116.

References

1. Dekret ob otdelenii tcerkvi ot gosudarstva i shkoly ot tcerkvi [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/ (Data obrashcheniia: 29.04.18).
2. Drobotushenko E. V. Antireligioznaia deiatelnost vlasti v Zabaikale v kontce 1920-kh – pervoi polovine 1930-kh gg. / E. V. Drobotushenko // Gumanitarnyi vektor. – Chita, 2012. – № 2 (30). – S. 115.
3. Zhukova N. E., Palkhaeva E. N. Obshchestvennye organizatcii Buriatii v 1920-e gg.: opyt istoricheskogo razvitiia / N. E. Zhukova, E. N. Palkhaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buriat. gos. un-ta, 2018. – S. 103.
4. Edinoglasno golosuem zakryt tcerkvi, sinagogi i sniat kolokola // Buriat-Mongolskaia pravda. – № 14 ot 17 ianvaria 1930 g. – s. 6.
5. O dispute s Agvan Dorzhievym // Buriat-Mongolskaia pravda. – № 36 ot 13 fevralia 1929 g. – S. 2.
6. Otetc protodiakon // Buriat-Mongolskaia pravda. – № 299 ot 28 dekabria 1929 g. – S. 4.
7. Palkhaeva E. N. Transformatciia gosudarstvennosti buriat v KhKh – KhKhI vv. / E. N. Palkhaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buriat. gos. un-ta, 2012. – 321 s.
8. Paskhu prazdnovat ne sleduet // Buriat-Mongolskaia pravda. – № 90 ot 20 aprelia 1929 g. – S. 3.
9. Pervyi respublikanskii sezd bezbozhnikov // Buriat-Mongolskaia pravda. – № 46 ot 26 fevralia 1929 g. – S. 4.

10. Ustavshchiki-zveri // Buriat-Mongolskaia pravda. – № 66 ot 22 marta 1928 g. – S. 4.
11. Fartusov D. B. Politicheskii terror v Buriat-Mongolskoi ASSR v 1930-e gg. v otnoshenii staroobriadcheskogo dukhovenstva / D. B. Fartusov // Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Politologiia. Religiovedenie». – 2017. – Tom 19. – S. 112–116.

PERIODICAL PRINTING ON STATE POLICIES WITH REGARD TO CONFESSIONAL INSTITUTIONS IN BURYAT-MONGOLIA (1920–1930)

Natalya E. Zhukova
Cand. Sci. (Hist.), Leading Specialist of The Scientific Library,
Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: nataliiiuk@mail.ru

The article is devoted to one of the most controversial periods in the history of Soviet Union nation-building — anti-religious struggle and inculcation of atheistic, communist ideology. The introductory part identifies the range of scientific problems, territorial and chronological scope of the study. We have made an attempt to reconstruct the phenomenon of anti-religious propaganda and agitation in public media on the example of the republican newspaper “Buryat-Mongolskaya Pravda” (Buryat-Mongolian Truth). The appeal to the periodical press allowed us to identify the public attitudes to the issues of anti-religious struggle, the general emotional background of the processes under consideration.
“Buryat-Mongolskaya Pravda” reflected such forms of anti-religious struggle of 1920s–1930s as the removal of bells from Orthodox churches, the request of workers to ban religious holidays, the disputes with Buddhist priests on theology. One of the manifestations of anti-religious propaganda was the defamation of the clergy, the public exposure of their unconvention behavior. The use of pejorative vocabulary for description of the event, and the mockery of the clergy’s behavior are characteristic for this kind of newspaper stories.
We have concluded that the exposure of the radical stage of anti-religious struggle in the “Buryat-Mongolskaya Pravda” was one-sided and tendentious. The defamation of religious practices, rituals, and image of the clergy formed the necessary ideological background, exacerbated the atmosphere of anti-religious struggle.
Keywords: religion in the Republic of Buryatia, state power, anti-religious struggle, Orthodox and Buddhist clergy, union of atheists, atheists in Buryatia, the newspaper “Buryat-Mongolskaya Pravda”.